

Карповка: ранние дни

Кандидат химических наук

А.С.Садовский

Алексей (Авраам) Николаевич Бах и Кощей Бессмертный, Ленин и Каплан, Феррейн, Воронцово Поле и Армянский переулок... Что может связывать столь разные имена и топонимы? Оказывается, все они имеют отношение к истории одного из старейших институтов нашей страны — Научного физико-химического института им. Л.Я.Карпова, который во всем мире известен как Карповский институт. Официально считается, что эта история началась 4 октября 1918 года, когда Коллегия химического отдела ВСНХ учредила Центральную химическую лабораторию. Мы же начнем отсчет событий с 1915 года.

Жертвователю первого института

Шел второй год войны, которая вопреки надеждам не стала для России краткосрочной и победоносной. Тем не менее в Москве на Миусской площади началось строительство первого в стране научно-исследовательского института. Термин «институт» до революции употребляли в основном для учебных, реже для медицинских заведений, а научные учреждения именовали «кабинетами» или «лабораториями». Физический институт был задуман как часть Московского научного института «Леденцовского общества» (подробнее об этом благотворительном обществе поддержки научных исследований, которое основал купец Х.С.Леденцов, мы писали в мае 1992 года. — **Примеч. ред.**).

Инициатор создания института П.П.Лазарев воплотил идеи своего учителя — П.Н.Лебедева, известного тем, что открыл давление света и измерил его значение. Институт был построен по проекту архитектора А.Н.Соколова и оснащен в основном на средства заводчика-мецената Гуго Максимилиановича Марка. По словам близко его знавшего В.П.Рябушинского, одного из богатейших людей империи, на различные пожертвования Марк потратил 2 млн. рублей, деньги по тем временам весьма солидные. Жертвователю хотел остаться неизвестным, чтобы избежать возможных неприятностей для получателя, но по сохранившимся документам ясно, что им был Марк, который и возглавил строительную комиссию ин-

Здесь располагался первый отечественный физический институт, а теперь — Институт прикладной математики им. М.В.Келдыша

ститута. Институт открыли 1 января 1917 года, и Лазарева избрали директором, а вскоре — действительным членом Академии наук. При этом академики И.П.Павлов, А.Н.Крылов, В.В.Стеклов, В.И.Вернадский и Н.С.Курнаков отмечали его заслуги в области фотохимии и физиологии (именно он предложил, например, «ионную теорию возбуждения»).

Кем был этот благотворитель, который фактически построил первый институт России? Марк всю жизнь оставался германским подданным. Владел акциями торгового дома «Вогау и Ко», был членом правлений товариществ торговли чаем «Караван», металлургических заводов в Кольчугине, нескольких московских заводов (металлического, электролитического, сахарорафинадного), угольного общества «Рудник Карл». Женат он был на Эльзе фон Вогау, их семья занимала дома № 8 и 10 на улице Воронцово Поле (она же, кто помнит, ул. Обуха). По капиталам (40 млн. рублей) клан Вогау уступал лишь Нобелям, Второву и Морозовым.

С началом германской войны жизнь российских немцев сильно осложнилась, особенно в Москве. Трехдневные погромы 1915 года нанесли семейству Вогау ущерб в размере 2 млн. рублей — в главной конторе на Варварке были взломаны сейфы, похищена денежная наличность и ценности, документация сгорела вместе с конторой. Сильно пострадал дом № 10 на Воронцовом Поле, разграблены дачные усадьбы в Липовке. (Эти места находятся вблизи нынешней станции Марк Савеловского направления, построенной на деньги Гуго Марка.)

Дальнейшее пребывание в России для Вогау потеряло смысл, они свернули свои многочисленные дела, перевели капиталы и уехали в Германию. Так поступила и жена Марка, Эльза, забрав с собой младшего сына. Старший, Макс, был призван в русскую армию, где подпал под влияние марксистов: сначала стал меньшевиком, а затем, уже большевиком, участвовал в Гражданской войне. Сам же Марк остался в охваченной смуты стране. Что его здесь удержало, ведь взглядов сына он не разделял? Прямого ответа на этот вопрос нет: он умер летом 1918 года в возрасте 49 лет. К его домам на Воронцовом Поле мы еще вернемся. А сейчас обратимся к следующему персонажу нашей истории. Это ведущий биохимик страны Алексей Николаевич Бах, в прошлом — один из лидеров народолюбцев по кличке Кощей Бессмертный.

Патриарх революционной эмиграции

Летом 1917 года, когда Бах вернулся в Россию, ему исполнилось 60 лет. В эмиграции он отошел от активной революционной деятельности, выполняя лишь некоторые кабинетные поручения партии эсеров, не мешавшие его научной работе. Он жил в небольшом коттедже в предместье Женевы, соорудил крохотную домашнюю лабораторию и за 23 года опубликовал около 70 экспериментальных и обзорных работ по биохимии. На жизнь хватало поддержки от близкого друга Дю

За восемьдесят лет липы у фасада института выросли и загородили здание Главного корпуса института № 1 (слева). А при Марке и Бахе их регулярно подстригали, и особняк представлял во всей красе (справа). В правом углу — сторожка и тумба для привязывания лошадей, которая ныне не сохранилась. Старые здания, включая забор и парк, простирающийся почти до набережной Яузы, — теперь объекты культурного наследия регионального значения

РАССЛЕДОВАНИЕ

Баху и вознаграждения за сотрудничество с редакцией французского научного журнала.

Узнав о Февральской революции, Бах решил оставить все и вместе с другими политэмигрантами вернулся в Россию. Ему, как самому авторитетному и беспристрастному, соратнику по революционной борьбе передали средства на репатриацию в размере 100 тыс. рублей и доверили распределить их между различными партиями и группами. В.И. Ленин выделенной суммой не удовлетворился и тут же начал напористо требовать преференций для большевиков, однако Бах на уступки не пошел. Как рассказывал его внук на праздновании 150-летия деда, встретившись в одном вагоне по дороге на родину, революционеры продолжили дискуссию на эту тему, причем Ленин выражался весьма резко.

Сразу же, летом 1917 года, Бах отправился на Урал, в местечко Тихие Горы погостить у Б.И. Збарского, который был у него дипломником еще в Женеве. Сам Збарский появился в местечке незадолго до этого, сдав дела по управлению двумя химическими заводами под Пермью, когда хозяйка — вдова С.Т. Морозова — их продала. Жил он с женой и маленьким сыном в доме Л.Я. Карпова, управляющего Бондюжским заводом Ушаковых, который внедрял там запатентованный им способ получения хлороформа, а также руководил заводской лабораторией. В большом, гостеприимном доме управляющего заводом Л.Я. Карпова разместились семья Збарского и Баха, поэтому у последнего появилось время, чтобы близко познакомиться с Карповым.

Обустройство Баха

Жизнь Баха сначала была та же, что в эмиграции. К активной политической деятельности он не вернулся. И впоследствии, после запрещения партии эсеров, не перешел в ВКП(б), а в анкетной графе «партийность» так и писал: «Независимый социалист-революционер». Остается удивляться, как это ему сходило с рук. После Тихих Гор Бах принял приглашение бывшей жены Максима Горького — Е.П. Пешковой, которая возглавляла московское бюро Политического красного креста, и разместился у нее на квартире на улице Чаплыгина, № 1. Они были давно знакомы, и, ведя совместно хозяйство, Бахи прожили здесь около года. Осенью 1917 года в Москву навещать сына Максима приехал и сам писатель. Знакомство с ним стало началом активной литературно-научной деятельности Баха: он сотрудничал с издательством «Земля и Воля», готовил к переизданию свою знаменитую книгу «Царь-голод», возникшую из бесед по политэкономии со студентами еще во времена «Народной воли», и др. В феврале 1918 года ему удалось вернуться и к научной работе. Он договорился с доктором Ф.М. Блюменталем о том, чтобы в Частном химико-бактериологическом институте последнего «выполнить давно задуманную работу над определением продуктов распада бел-

ка в сыворотке иммунизируемых животных». (На самом деле «институт» Блюментала был отделением аптеки И.И. Келлера на Мясницкой, где занимались диагностическими анализами, готовили сыворотки и вакцины, а для поддержки практики ставили и небольшие исследования.)

В Москву в начале 1918 года переехал и Карпов, получив должность в ранге наркома — заведующего химическим отделением ВСНХ. Было ясно, что для национализированной промышленности потребуется научно-исследовательское подразделение. Карпов предложил Баху его возглавить, а также воспользоваться лабораторным помещением и оборудованием при спиртовом складе. Осенью 1918 года отдел химии ВСНХ приступил к национализации винокурных и спиртоочистительных заводов, передаваемых в его ведение. Бах против такого размещения решительно возражал. Центральную лабораторию предполагалось впоследствии превратить в первоклассный головной институт отрасли. Для этого винный склад мало подходил. Вместе со Збарским Бах принялся сооружать временную кустарническую лабораторию в квартире на пятом этаже жилого дома № 7 в Армянском переулке. Потом пришлось переоборудовать квартиры и на нижних этажах: четвертом и третьем. Бах поселился в другом подъезде этого же дома.

Где эта улица, где этот склад?

Дом, о котором идет речь, был построен в 1898—1899 годах как доходный, а теперь он стал московской достопримечательностью. Живший по соседству Ю.М. Нагибин написал рассказ, который так и называется «Дом № 7». В статье известного знатока истории Москвы В.В. Сорокина можно прочитать, что здесь жил «А.К. Феррейн — химик, фармацевт; подвалы сдавались под винные склады». Уж не этот ли винный склад фигурировал в дискуссиях Карпова и Баха при выборе места для Центральной лаборатории? Может быть, Феррейны для лучшего надзора намеренно арендовали место под склад рядом с квартирой, и в конце концов эта квартира пошла под лабораторию, а не склад? Ведь «Товарищество В.К. Феррейна в Москве» было национализировано одним из первых, и химико-фармацевтическому заводу Феррейна в Нижних Котлах потом будет присвоено имя Л.Я. Карпова. (Теперь этот завод денационализирован В.А. Брынцаловым, им же придуман новый бренд «Ферейн».) Семья же Феррейнов еще до национализации спешно покинула Москву.

На самом деле А.К. Феррейн — магистр химии, одно время работал в МГУ. Он никак не мог жить в доме № 7, поскольку умер в 1895 году от инфлюэнцы, то есть раньше, чем дом был построен. Очевидно, как и Нагибин, жил он в доме № 9, где до революции действительно в подвалах находился коньячный склад «Бекман и Ко». Произошло какое-то «физико-химическое замещение»: в доме № 7 снимал квартиру не химик А.К. Феррейн, а физик П.Н. Лебедев, которого Сорокин почему-то поселил в доме № 9. После революции дом № 9 стал известен тем, что здесь была коммуна ОГПУ, а винный склад у нее арендовал «Центросоюз».

Не исключено, что Карпов предлагал Баху занять помещение производственных лабораторий в Кривоколенном пер., 12 — здесь же рядом располагались вино-спиртовой склад, контора и квартира магистра фармации В.К. Феррейна — младшего брата магистра химии.

При Марке здесь была конюшня, построенная по проекту архитектора В.А.Коссова в 1882 году. Потом — жилой флигель, здесь жили Карповы, Стадниковы и другие. Затем стеклодувная мастерская и, наконец, просто объект, находящийся под охраной Правительства Москвы

Начало советской науки

После митинга на заводе Михельсона 30 августа 1918 года на Ленина было совершено покушение, приписываемое Фанни Каплан, и он получил два огнестрельных ранения. Врачам потребовались рентгеновские снимки. И тут выяснилось, что в стране остался лишь один работающий аппарат, который находился в Физическом институте на Миусской. Нарком Н.А.Семашко обратился за помощью к Лазареву. У Ленина и Лазарева после обследования, пока проявлялись и сушились пленки, состоялась долгая беседа. Тема разговора осталась неизвестной, но с 1919 года это учреждение под названием «Институт физики и биофизики» вошло в систему Наркомздрава. Соответствующее указание исходило лично от председателя Совнаркома. Более того, ранее, в 1918 году, в системе того же наркомата в Петрограде создается Институт рентгенологии. Такие институты вообще были первыми в мире — и они появились в стране, охваченной разрухой, голодом и войной. Известный биофизик академик РАН Г.Р.Ивановский пишет: «Советский период развития биофизики в России начинается не с залпа «Авроры», а с выстрела Каплан».

Тем самым наркому Семашко и Наркомздраву был придан особый вес в правительстве. Эхом выстрела можно считать и создание другого нового института в системе этого наркомата. Частный институт Блюменталю после национализации весной 1919 года перешел в это ведомство, став Государственным бактериологическим институтом. Слово «химико-» в названии уже отсутствовало. Зато в 1920 году был основан и спустя год торжественно открыт Институт биохимии, его руководителями стали Бах и Збарский. Фактически Бах получил возможность заниматься исследованиями сначала в блюменталевском, а потом в наркомздравовском институте, поскольку переоборудование первой квартиры № 35 под лабораторию ВСНХ затянулось и продолжалось почти до конца 1919 года. Инициативу Баха активно поддерживал Семашко. В 1920—1921 годах во Франции и Германии после трехлетнего перерыва появляются три публикации Баха (совместно с Б.И.Збарским и С.Р.Зубковой). Одна из них потом была перепечатана на русском языке: «О ферментных показателях крови. I. Количественное определение каталазы, пероксидазы, протеазы и эстеразы в капле крови». Результаты работ еще до опубликования получили практическое применение: было изготовлено десять специальных колориметров для анализа крови по методу Баха—Зубковой, которые были розданы в клиники, а в Москву стали приезжать врачи на стажировку. Изучение биохимии ферментов только начиналось, новый метод позволял по анализу всего 1 мм³ крови проводить исследования и наблюдения за больными. Сотрудник Баха, врач

Второй особняк Марков, доставшийся индийскому посольству

А.Э.Шарпенак, стал делать опыты на себе, отслеживая работу ферментов крови в зависимости от питания.

Институт биохимии расположился в особняке Марков — дом № 8 по улице Воронцово Поле. Выбор места, скорее всего, не был случайным, ведь этот дом Лазарев хорошо знал еще со времен строительства института, который только что стал биофизическим. Особняк пустовал. Сын Марка Макс свою долю наследства, в том числе и права на дома по улице Воронцово Поле, передал в партийную кассу, переехав жить в коммунальную квартиру.

Место, очевидно, понравилось Баху еще и тем, что можно было занять соседний особняк в этой обширной усадьбе с парком и поднять вопрос о переводе сюда Центральной лаборатории из Армянского переуллка. Карпову удалось добиться соответствующего решения и достать средства на перестройку дома № 10 под новые нужды. Она началась одновременно с основанием Института биохимии. Дом № 10 был возведен по проекту архитектора В.А.Коссова в 1882 году, в ходе реконструкции достроили третий этаж. Нижние два отводились под лабораторные помещения, а верхний стал жилым. (Сейчас на территории института уже никто не живет.) Проект реконструкции принадлежал архитекторам Б.М.Иофану и С.Г.Чернышову, к работе Бах привлекал и архитектора Александра Пастернака (брата поэта). Подробности известны потому, что часть территории Карповского института и старые строения взяты на учет комитетом Москультуры как объекты, имеющие культурно-историческую ценность.

После завершения строительных работ официальное открытие института состоялось 10 октября 1922 года. Карпова, однако, не было в живых — он скончался под Рождество 1921 года от заражения крови. После переезда бывшая лаборатория получила название «Химический институт ВСНХ им. Л.Я.Карпова». Трудно сказать, каким по счету он был в стране: начиная с 1919 года многие «лаборатории» стали

Подъезд 1 дома № 7 по Армянскому переуллку, в котором находилась квартира А.Н.Баха. Справа — фасад дома № 9. Это бывший доходный дом Константинова, построенный в 1874 году

*Станция полувзводских установок
(архитектор Б.М.Иофан,
1926—1928 годы),
она же Лабораторный корпус
института № 2*

РАССЛЕДОВАНИЕ

дованиями по адаптации зрения и мимикрии животных. В первый же год советской власти он взялся за уточнение картографии Курского железорудного месторождения, и его работа позволила сэкономить 5 млн. золотых рублей. О трудах Лазарева с восторженной похвалой отзывался Ленин. Однако в 1929 году Лазарев выступил против перебаллотировки коммунистов, проваленных на выборах в АН СССР. Бах, наоборот, предложил обратиться с просьбой на разрешение повторного голосования в Совете народных комиссаров СССР, что и было сделано.

В ночь на 5 марта 1931 года Лазарева арестовали и сняли с должностей директора Института физики и биофизики, директора Государственного рентгенологического института Наркомздрава, а также заведующего кафедрой физики в Московском электромашиностроительном институте. Накануне ареста Лазарев не удержался и продемонстрировал студентам на лекции несурзанности из «Анти-Дюринга» в рассуждениях Фридриха Энгельса по поводу корня из -1 . Об этом сразу же пошли доносы в органы. Институт на Миусской ликвидировали — сотрудники были уволены, оборудование исчезло, даже его жена, проживавшая на территории института, люди из ОГПУ приказали скрыть разведенный ею цветник. Само здание передали ВСНХ под секретный химический «Институт спецзаданий». Однако следствие затягивалось, обвинение не получалось.

Обстановка для О.А.Лазаревой становилась невыносимой, ее хлопоты ни к чему не приводили, и 13 июня 1931 года она повесилась. А спустя три месяца Лазарева выпустили из тюрьмы ОГПУ и назначили ссылку в Свердловске. Очевидно, возымел действие протест учеников и коллег. Правда, братья Вавиловы его подписать отказались; Бах подписался последним, но именно его участие могло привести к цели. Он имел представление о том, как надо действовать, и настоял, чтобы письмо пошло не через В.В.Куйбышева, а через его соперника в партаппарате — В.М.Молотова. В феврале 1932 года Лазарев вернулся в Москву, однако здоровье его было подорвано.

Макс Марк в 1925 году закончил МВТУ по специальности «радиотехника». Работал в Государственном экспериментальном энергетическом институте, заведовал радиостанциями — сначала ГЭЭИ, потом ВЦСПС и потом МГСПС. В 1930—1935 годах он главный инженер НИИ связи РККА. С 1935 года М.Г.Марк преподавал в Инженерно-технической академии связи им. В.Н.Подбельского, получил звание профессора, организовал кафедру и стал ее заведующим. Он был также главным редактором журналов «Техника связи» и «Радиолобитель». В 1937 году Марка расстреляли по расхожему обвинению в шпионаже в пользу Германии. Два сына осиротели. Жена как член семьи изменника Родины (ЧСИР) получила восемь лет с пожизненной ссылкой.

Что касается здания Физического института на Миусской площади, то его теперь занимает Институт прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН. Институт Блюментеля в конце концов преобразовали в Институт эпидемиологии и микробиологии РАМН им. почетного академика Н.Ф.Гамалеи, а Институт биохимии Наркомздрава перешел в Академию наук и стал Институтом биохимии им. А.Н.Баха. Дом № 8 по улице Воронцово Поле заняло посольство Индии.

называться «институтами», примерно так же, как сейчас это название вытесняется словом «центр».

Герои Карповки

Вначале лаборатория, а потом институт выступали в роли «пожарной команды», решая неотложные вопросы производства «стратегических» товаров военного времени и послевоенной разрухи: спички, мыло, торфяное топливо и т. п. По мере роста числа проблем и их усложнения от Карповского отпочковалось несколько отраслевых институтов, сам же он оставался, как шутили, «академией наук Минхимпрома». В нем действительно выросла плеяда академиков и профессоров мирового уровня, именами которых сегодня названы многие институты. Это и сами биохимики А.Н.Бах и Б.И.Збарский, и многие другие ученые: академики А.Н.Фрумкин, Я.М. Колотыркин — электрохимия и коррозия металлов; член-корреспондент И.А.Казарновский — пероксиды металлов; академик Я.К.Сыркин — теория химической связи; академики В.А.Каргин, С.С.Медведев, Н.Ф.Бакеев, А.Н.Озерин и член-корреспондент А.Н.Праведников, — полимеры; академик И. В.Петрянов-Соколов, профессор Н.А.Фукс — аэрозоли; академик Г.К.Боресков, член-корреспондент М.Г.Слинько, профессор М.И.Темкин — кинетика и катализ; академик Н.М.Жаворонков — разделение стабильных изотопов; академик Х.С.Багдасарьян, профессор В.Л.Карпов — фото- и радиационная химия; академик К.А.Кочешков — металлоорганическая химия... Их вклад в развитие науки и промышленности известен. Мы же рассказали только один эпизод из истории института, как лаборатория ВСНХ, ютившаяся в квартирах жилого дома в Армянском переулке, получила особняк с громадным парком на Воронцовом Поле.

Эпилог

Коротко о дальнейшей судьбе некоторых участников этой истории.

В 1920-е годы Бах руководит созданными им институтами, занимается и научно-организационной работой. Он становится членом коллегии ВСНХ и заместителем председателя президиума коллегии Научно-технического управления ВСНХ. В 1927—1928 годах участвует в организации Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству, или ВАРНИТСО, а впоследствии возглавляет ее. В 1929 году избран действительным членом АН СССР.

Збарский, как и его учитель, в гимназические годы участвовал в революционном движении, но не столь активно, как Бах или Карпов. Фактически на всех должностях он был заместителем Баха. Ему и профессору В.П.Воробьеву из Харькова было поручено бальзамирование тела Ленина. В ходе этой работы они извлекли вторую пулю, остававшуюся после ранения. (Первая была извлечена врачами при операции еще в 1922 году.) Пули оказались разного калибра. Очевидно, несмотря на повторные расследования, преступление до конца не раскрыто.

Лазарев был блестящим, разносторонним ученым, главой московской школы физиков. В биофизике он известен иссле-

